

Рукапил

16+

Дмитрий Мишин

Дмитрий Викторович Мишин

Рукапил

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26915340

SelfPub; 2019

Аннотация

Необычайное происшествие произошло с весьма важной персоной, занимающей довольно приличный пост в областной администрации одного крупного российского города. Происшествие, которое может произойти в России с каждым. Просто с некоторыми происходит чаще, чем с остальными.

У Семена Алексеевича была хорошая работа, хороший заработок, уважение окружающих, но не такое как у обычного стареющего и чего-то добившегося человека, а гораздо более приятного уважения, на грани заискивания и лести. Что очень нравилось порой Семену Алексеевичу, и было целью огромного числа сослуживцев. Связано было все его благополучие с весьма заметным постом в областной администрации. Заведовал он размещением государственных заказов и перераспределением бюджетных денег на самые разные муниципальные нужды. В связи с чем к рукам его прилипало множество отпечатков других рук не менее важных должностных лиц, его здоровьем всегда интересовались, все ему улыбались при встрече и практически всегда первому тянули руку. Был он рукопожатием для всех в его ведомстве и далеко даже за его пределами как вниз по должностной лестнице так и вверх. Но случилась с его руками беда. Проснувшись однажды утром, рядом с мирно спящей женой опостылевшей, но ради приличия, какого то внутреннего стержня не дававшему Семену Алексеевичу расправиться во весь рост, оставленной рядом уже более как 15 лет, он откинул мягкое одеяло в сторону, попытавшись поднять веки но справившись лишь на треть, поднялся и с чуть приоткрытыми глазами отправился в ванную по пути пытаюсь поглубже засунуть правую ногу в неподатливый тапок. Он прошлепал шаркая ногами по паркету в ванную, потянул за дверь, открыл, в ванной пошлепал уже по дороговому итальян-

скому кафелю и все так же – с чуть приоткрытыми глазами предстал перед зеркалом. Увиденное внушало оптимизм его смягченной многолетним заискиванием душе. Он улыбнулся сам себе, и протянул руки к крану с водой... Секундное замешательство. Оно переросло в трех-секундное. Затем в пяти-секундное. И наконец, с усилием, не справившись сразу с двумя, но хотя б с одним, приоткрыв еще на треть левый глаз, он улыбнулся и отбросив сомнения, сославшись на обман зрения, дернул рукой за кран. Замешательство вызванное еще не до конца проснувшимся и адекватным мозгом, переросло в удивление, а слух был порезан скрипом, усиленным ранним часом до жуткого скрежета, от чего наморщился лоб его и нос. Подумав что царапает дорогой смеситель, Семен Алексеевич остановился и больше не тянул руку на себя. Благодушное настроение сменилось удивлением, граничащим с некоторым озорством. Надо понять его состояние, только что проснувшегося от сладких снов и еще не очертившим четкую грань между сном и явью, и в этом состоянии увиденное, никак не открывающимися до конца глазами вызывало у него озорное удивление. Происходящие показалось ему весьма забавным, проделкой не до конца проснувшегося сознания и потому он улыбнулся. И старательно моргнул. Пелена на мгновение спустившаяся на глаза и тут же отхлынувшая назад не разогнала чудное зрелище, и бредовая наяву, но вполне естественная во сне картинка осталась перед глазами. Он моргнул еще раз и еще. И еще. Картина была

той же что и с самого начала. Сознание возвращалось к нему ото сна и тем естественнее для него становилась мысль что он все еще спит, т.к. картина перед глазами для реального мира была абсолютно ареальной, фантастической и абсурдной – перед глазами его была самая обычная пила, которую он положил на рукоять смесителя и в попытке открыть кран. Пила была свежей, с яркой блестящей сталью, отбрасывающей множество блестящих искорок в разные стороны, с ровными, ни разу не тронутыми зубьями без единой зазубринки, растущей прямо из кисти. Причем между живой плотью и сталью не было скольнибудь искусственного, неестественного шва, разрыва или раны. Переход казался врожденным – столь естественным и обычным, как переход от шеи к голове. Как будто он был там всегда и был заложен природой. Так и должно быть и он абсолютно естественен. Семен Алексеевич поднял руки вверх и увидел что они абсолютно одинаковы. Вместо и левой и правой руки у него были стальные, зубчатые полотна. Даже поковырять в носу нечем. Кистей обычных человеческих рук как у большинства людей: соседей, родственников, сослуживцев – не было. Это были самые настоящие пилы, которыми только можно было дрова пилить, словно дешевым лобзиком. Все еще не веря своим глазам, широко открывая их и с силой закрывая назад, хлопая ресницами с такой силой, что глухие хлопки отражаясь от стен попадали в уши. От улыбки не осталось и следа. Губы изогнулись в обратную сторону, глаза округлились а все

лицо его съежилось и уехало куда-то на затылок. Гримаса ужаса и брезгливости искажила всю его внешность. Он бросился прочь от зеркала. Все его полусонное состояние растворилось в абсурдной реальности, даже робкая надежда на неудачное сновидение оставила его и только ужас заполонил все его сознание. Он уже не обращал внимание на липкие веки, на звон в ушах – перед глазами были только сверкающие полотна, по одному на каждой руке. Которыми он двигал прямо у себя перед лицом – вверх вниз, вверх вниз, как пираты из мультфильмов ударяют ножами друг о друга наступая на беззащитную жертву. В голове уже начались метаться мысли как с этим жить – если чесать за ухом возможно было еще даже удобнее, управлять машиной можно заставить шофера или жену, то с у унитазом было сложнее. И с полотенцем. А как кушать? И самое главное – как выполнять служебные обязанности: подписывать документы, пожимать нужные руки, переключать многочисленные бумажки с места на место? Или даже вообще – показаться в таком виде среди людей? Он уже начал придумывать как бы приобрести специальные варежки, или футляры, возможно даже небольшой апгрейд, а то правая пила выглядит как то крупнее и длиннее что ли... левой. Размышления эти немного отвлекли от ужаса данной ситуации и совсем немного липкий страх отступил. И – внезапный шум – за спиной его отвлек от напряженных размышлений. Это была Вера, жена его.

– Э.. что это? Ты че протезы купил? – чуть хриплый спро-

сонья голос был как солью на рану. Мало того что эта женщина ему уже надоела еще вчера, и позавчера, да уже давно, лет 5 как. Так думал Семен Алексеевич, а на самом деле он даже вообще уже и не помнил когда было иначе. Так эта стареющая женщина, с морщинистым, искаженным годами и сном лицом, привыкшая только создавать новые проблемы, а не как их не решать, что то лопочет ему, про его беду и опять лезет в растревоженную душу. Тем более с глупыми вопросами.

– Какие нахрен протезы? Где ты протезы увидела? – рявкнул в ответ раздраженный Семен Алексеевич.

Ну вот, на руках у тебя – не менее дерзко отвечала его вторая половинка – что ты на лапы то напялил? – Она смотрела абсолютно спокойно на его руки, даже не догадываясь о штормах, бушующих в голове ее мужа, а он тем временем был в ярости от своей беспомощности, от жалости к себе, от ненависти к жене, ко всему миру, в котором возможно ТАКОЕ!

Готовый разразиться жутким скандалом перед лицом уже посерьезневшей женщины, тоже не привыкшей молчать в ответ, разгневанный безысходностью муж, был прерван телефонным звонком. С сотового – определил он натруженным ухом. На мгновение пронеслась мысль, что с ухом все в порядке. И вообще – а вдруг еще чтонибудь не так с ним? Хорошо что жена обратила внимание только на руки его. Видимо все остальное, если даже и как то поменялось, то не силь-

но привлекало внимания к себе. Сейчас ему с головой хватало рук, и он даже если что то и было просто был не в состоянии что то еще оценить. Потому решительно не хотел и боялся осмотреть и ощупать себя полностью. А вдруг там, хобот еще какой вырос?! Отбросив остатки стремительно остывающего гнева, он махнул пилой на жену и решительно, прямо сквозь нее, не сильно церемонясь и неизбежно толкнув ее плечом, ринулся вон из ванной. Продолжать разговор у женщины не было никакого желания, да и мысли о самой себе, уже по давней привычке, не давали ей придавать слишком большое значение, как гневу этого человека, так и необычному его внешнему виду.

По телефону Семен Алексеевич удачно наорал на несчастного своего знакомого, по глупости своей, или по наглости решившего отвлечь столь важного человека от его занятий в столь ранний час. После чего, наш бедолага неожиданно для себя отметил что пользоваться телефоном не так то сложно. Можно даже сказать, что он и сам не заметил как использовал трубку по назначению. Просто схватил, и просто ответил, и после положил на столик. Мысль эта, в любое другое время заняла бы его на долго, но сейчас надо было решать самый сложный вопрос – как, и в чем идти на работу?

Он решительно не представлял как с таким уродством заявится в свой же собственный кабинет. Самая большая проблема была в том что с ним же постоянно здоровались -все, постоянно тянули руки, услужливо пытаясь ухватить его ла-

донь. Со стальными полотнами сделать это было сложнее.

Подумав несколько минут, Семен Алексеевич, несмотря на свою должность, имевший давнюю привычку принимать и исполнять решения – позвал жену.

– Вера! Вера! Иди сюда – всеми силами стараясь не придать виду что только что готов был разругаться с ней, он кричал ей запершейся в ванной. Жена с зубной щёткой в зубах вошла в спальню к нему.

– Чего? Что кричишь то?

– У тебя бинты есть?

– Ну, надо посмотреть, а зачем тебе? Порезался?

– Нет, надо вот, это безобразие закрыть – Семен Алексеевич протянул правую руку вверх, показывая жене, блестящую сталь.

– Ну, а ... – жена явно, не будучи в курсе ситуации, продолжала смотреть на вытянутую руку – что это? – легкая и, как обычно для нее, едва уловимая мысль проскользнула в ее голове. До нее вдруг дошло, что протез, не совсем протез и больше напоминал какой-то инструмент для разделки.

– Не видишь? Вот с утра выросло, само – чуть не срываясь на плачь сказал раздосадованный муж ее. Гнев неожиданно сменился у него на жалость. Жалость к самому себе. Больше не хотелось ругаться, кричать. Хотелось какой-то, любой помощи и жалости, понимания, на которые, по стечению обстоятельств, он, уже довольно давно, мог рассчитывать только от жены.

– Как так выросло – не столько не понимая тупизны вопроса, сколько, будучи полностью ошарашенной, переспросила супруга, – что у тебя с руками? Это что – прямо у тебя из руки? ..... Господи – глаза ее расширились до каких то небывалых никогда размеров, уставившись в одну точку. Резкий приток крови единым хлопком сдавил голову ее и грудную клетку, перехватило дыхание. Она бросила зубную щетку и одной рукой ухватилась за грудь. Женщина явно испугалась и прислонилась к дверному косяку.

– И без тебя тошно, – бедолага скорчил гримасу – чего стонать, делать надо что то и побыстрее – на работу опаздываю, неси бинты!

Через несколько часов, изрядно опоздав, Семен Алексеевич все же появился на работе с перевязанными бинтами руками. Множество людей, как обычно завидев его издалика спешило поприветствовать, но останавливались в самой раздосадованной позе прямо перед ним, завидев небольшое его увечие. Качали головами, охали, выражали сочувствие и все как один интересовались что случилось да как. Еще по дороге в машине, наш инвалид придумал хорошую легенду про сад, пикник, скользкие ступеньки и рассказывал всем без исключения встречным. Даже нечаянно рассказал, какому-то хмырю, сунувшему бумажку на подпись, хотя тот даже и не интересовался вовсе, и не заметил поначалу изуродованных рук.

Жизнь понеслась и заиграла новыми красками для Се-

мена Алексеевича. Поначалу, казавшееся ужасным, увечье, оказалось не столь неудобным и вполне себе сносным для этой жизни. Привычки пришлось многие поменять, но это не доставило, к его удивлению, особых хлопот. Пилам своим он удачно начал находить применение в самых, казалось, неожиданных ситуациях и привычка пилить входила понемногу в его обычную жизнь. Он приучился пилить еду. Он приучился не отрывать, а отпиливать туалетную бумагу. Часто снимая одежду он не растягивал, а отпиливал себе пуговицы будучи не в силах сдержать казавшимся уже естественной потребностью в определенных движениях рук. Однажды, собираясь на работу, с личным шофером, он прихватил с собой пластиковый, непрозрачный пакет. Усевшись поудобнее на заднем кресле, он долго смотрел на пакет, нервно подергивая ступнями ног и правой рукой. Казалось не решаясь на что то, весьма затруднительное для него, что требовало решительности и в тоже время вызывало кучу сомнений. Весьма Но все же откинув все сомнения, он схватил пакет, раскрыл его и решительно извлек полено. Сладострастно прильнул к нему натруженной левой рукой, и дернул на себя – блаженная улыбка обнажила ряд ровных зубов. Затем дернул от себя. Улыбка стала шире, настроение приподнялось – никакого упадка или депрессии, они как то внезапно отступили и ушли далеко, куда то за спину, где и пребывали большее время, не особо тревожа вывернутую душу. На работе он старательно перевязывал руки бинтами некоторое время.

А затем, у знакомого слесаря, всего за пару бутылок накупил сразу несколько протезов, в виде кистей рук. Сделанные из дерева, и обтянутые кожей дорогих перчаток – они выглядели как настоящие руки, ну только в перчатках. Протезы легко натягивались на пилы, и никто из знакомых, по привычке протягивая руку, даже не замечал, что дёргает и пожимает не человеческую кисть, а стальное полотно, да еще и с острыми зубьями. А дома, и когда никто не видит, он страстно предавался своему новому увлечению – пилка. Он любил пилить все. Все на что падал меткий глаз его. Со временем привычка так развилась в нем, что повлияла на его облик – глазки его, постоянно смотрели в окружающий мир и присматривали самые разные предметы, которые можно было б распилить, от чего приобрели хитроватый блеск и хищно-озорной прищур. При встрече с любым человеком, хоть знакомым, хоть впервые увиденным, Семен Алексеевич уже вошедшим в привычку самым наглым, ни капли нескрываемым образом осматривал своего собеседника, выискивая вожденный предмет для распила.

Жизнь шла своим чередом, и все же, несмотря на удивительную адаптацию Семена Алексеевича к современному этапу ее, нельзя не признать абсурдность ситуации, ситуации абсолютно невозможной и никогда не случавшейся ни в России, ни в каком либо городе ее – когда в Белом доме, на столь значимом посту сидело самое натуральное чудовище, у которого вместо рук – пилы. Да при этом еще приноровив-

шесюся так лиху их использовать, что никто даже и не замечал этого уродства и считал его абсолютно здоровым человеком. Казалось, что единственным кого волновала данная ситуация был сам Семен Алексеевич. Какие то древние, возможно детские страхи, представления не давали ему спокойно спать и даже есть – казалось все таким неестественным, не настоящим и лживым. С каким удовольствием и наслаждением он использовал свои пилы днем, и на работе и дома, с таким же сильным чувством беспокойства и напряжения он засыпал и просыпался – ему хотелось признания, ему хотелось избавиться от уродства, но не как от такового, а от самого признания его уродством. Ситуация разрешилась самым ожидаемым образом, как это обычно бывает, особенно в России, – на корпоративе. Однажды в дорогом ресторане, где собрались все сослуживцы Семена Алексеевича, все самые лучшие люди области вместе, естественно с самим Семеном Алексеевичем, он изрядно перепил. Будучи в прекрасном расположении духа, улыбаясь во весь рот и чувствуя, как и остальной коллектив, что пришло время песен, пляса и настоящего веселья, Семен Алексеевич разудало взметнул свои протезы высоко в воздух и, дернув резко руками вниз, лихо сбросил деревянные костыли, явив миру и свету блестящие полотна, сверкающие искорками отражаемого света, отливающими разными цветами радуги. Полотна закружили в воздухе, у него над головой в причудливом танце, на свободе, естественно и изящно, так как им было легко

и удобно. Сдобренная алкоголем душа пела и плясала, а полотна, были частью этой души его и никаких причин сдерживать свои порывы Семен Алексеевич уже не видел. Лишь на мгновение – заприметив взгляды на себе рядом сидящих, он приостановился, и даже с полу-пьяну но все же сообразив что наделал, она замер. Замерли и танцующие над головой пины. Всего секундная пауза, а стоявшие все это время за спиной Семена Алексеевича страх, грусть и отчаяние, вдруг вновь овладели им. Лицо его исказилось. Неожиданно разгладились и округлились глазки, казалось уже навсегда изувеченные хитрым, все ощупывающим прищуром. Даже полотна немного поплыли в воздухе, словно марево над раскаленной землей, всего на секунду, не заметно для самого обладателя их, будто желая скрыться с глаз долой и вон из этого мира. Но вдруг депутат напротив него раскрылся в приступе неистового смеха и через открытый рот его вывалилось самое настоящее помело. Прямо вместо языка. А сидящий рядом прокурор, заходяв на стуле от сотрясавшего его смеха так же ударил о стол стальными клещами, торчащими вместо кистей его, невесть куда пропавшими. У судьи слева, из ладони, вместо пальцев появились зажимы для купюр, а начальник полиции неожиданно покрылся шерстью и вытянулся лицом в какую то нечеловеческую, больше похожую на собачью, морду. И жуткое веселье охватившее всех присутствующих, разлилось и затопило словно море весь зал, наполняя его красками, радостью, успехом, новыми надеж-

дами и перспективами небывалых возможностей, невероятных удач и успеха на всю оставшуюся жизнь. Сегодня не надо было скрывать их – все эти пилы, держатели, зажимы для купюр, лохматые лапы, все это задергалось, завизжало, завертелось и закружилось в диком танце сплетаясь в одну хаотичную, но тем не менее крепкую, надежную сеть, из множества нитей и связей. И грусть, печаль, отчаяние навсегда отступили от Семена Алексеевича. Последние сомнения были отброшены, ведь попав на этот корпоратив, он обрел то единственное, чего ему пока не хватало – признание. И уважение... к своему уму, находчивости, прозорливости, к своим неожиданно приобретенным способностям.